

Лит. газ. - 1989. - 24 мая (№2) - с. 15

С ОРОК лет назад Ливерпуль был спокойным и опасным городом. Слова одной из самых популярных песен военного времени «Прошу, не отнимай мой солнечный свет» очень точно передают отчаяние людей, жмущихся друг к другу в ожидании очередного налета, обливающихся слезами прощания перед темными, закопченными вагонами солдатских эшелонов на Лайм-стрит и на огромной, продуваемой всеми ветрами портовой площади, известной под названием Пайер-Хед. «Прошу, не отнимай мой солнечный свет», — молились матери и жены, а малыши закутывались в свои вязаные башлыки, прятаясь от завтрашнего дня, от пугающей неизвестностью эвакуации, от страха остаться одним или потеряться в толпе. Вот в этот мир постоянно куда-то передвигающихся, несчастных, неприкаянных людей и пришел Джон Леннон. Он родился в шесть тридцать вечера 9 октября 1940 г. в родильном доме на Оксфорд-стрит в Ливерпуле. А город в это время сотрясало от сильной бомбежки. В порыве патриотического энтузиазма его мать Джулия Леннон дала ему второе имя — Уинстон¹. Никто не знал, где его отец, Джон появился на свет в уже разбитой семье.

Брак Джулии Стэнли и Фредди Леннона с самого начала был обречен на неудачу. Джулия работала билетершей в кинотеатре. А Фредди оказался просто безответственным парнем. Они были женаты почти два года, но так как Фредди служил официантом на пароходе и большую часть времени находился в море, Джулия продолжала жить в доме родителей, куда и принесла из роддома своего первенца. Поначалу Фредди присылал хотя бы деньги на содержание жены и сына, а через полтора года и это прекратилось. Брак сохранился чисто формально. Уже будучи взрослым человеком, Джон характеризовал своего отца как «пьяницу и неисправимого лодыря».

В конце концов Джулия развелась с Фредди, встретила другого человека и ушла к нему, оставив трехлетнего Джона на попечение его любимой тетки Мэри Смит — «тети Мими».

Позже тетя Мими говорила писателю Хантеру Дэвису: «Я никогда не рассказывала Джону о его отце и матери, я оберегала его от всего этого. Наверно, я перестаралась. Не знаю, я просто хотела, чтобы он был счастлив».

Фредди Леннон объявился только в конце войны, решив к тому времени насосем перебраться в Новую Зеландию. Он забрал Джона, и тот несколько недель прожил с ним в Блэкпуле, но вскоре туда примчалась Джулия, и Джон вернулся с ней в Ливерпуль. Следующий раз Джон увидел Фредди, когда однажды, уже на вершине славы битлов, открыл «Дейли экспресс» и наткнулся на фотографию отца, моющего посуду в ресторане.

В Ливерпуле Джон возвратился к тете Мими и ее мужу, дяде Джорджу. По ливерпульским стандартам это была довольно состоятельная семья; они жили в Вултоне на Менлав-авеню в собственном «полуотдельном» доме, построенном с претензией на стиль поздней английской готики. В те времена Вултон был пригородом, более приятным, чем остальной, в общем-то, некрасивый город. Знаменитые «Земляничные поля», детский приют «Армии спасения», находился рядом, за углом. Дядя Джордж торговал молочными продуктами. Но сказать, что Джон Леннон имел буржуазное воспитание, было бы значительным расширением понятия «буржуазный». Когда Джона об этом спрашивали, он отвечал: «У нашего дома имелся палисадник и задний дворик — это было ступенькой выше, чем муниципальные дома, в которых жили Пол и Джордж».

Первой школой Джона была местная начальная школа в Доувдейле, где заметили его незаурядные литературные способности и независимость духа. В семь лет он начал создавать собственные иллюстрированные книжки, куда записывал разные истории, шутки, вклеивал фотографии кинозвезд и знаменитых футболистов. С полным сознанием своей значительности он писал на этих книжках: «Редактор и художник Дж. У. Леннон». Позже, вспоминая детство, он говорил: «Я думал тогда, что я или гений, или сумасшедший, а так как сумасшедшим себя не считал, то решил, что я, должно быть, гений».

Если Джон не читал и не рисовал, он слушал радио. Мими была равнодушна к легкой музыке, поэтому радио в доме всегда было настроено на первую программу Би-Би-си, которая давала великолепный «Детский час», новости и многочисленные радиоспектакли лучших комиков. Вообще это были годы расцвета радио в Великобритании, и ребенок мог получить

вполне приличное образование, выбирая нужные передачи. Что Джон и делал.

Во многих отношениях Джон был не по годам развитым ребенком, но трудным и довольно агрессивным — некоторые родители даже не позволяли своим детям водиться с ним. Он был прирожденным лидером, всегда хотел, чтобы иголки в его игры, а он был бы главным. Дома это был спокойный, послушный ребенок, любящий петля и подкладывая дяде Джорджу ласковые записочки (привычку подкладывать людям записки Джон сохранил до конца своей жизни), а на улице он слыл грозой округа, задира юбки девочкам, воровал с прилавков, прогуливал уроки и пытался даже, правда, безуспешно, спустить с рельсов трамвай на соседней Пенни-лейн.

Лучшие друзья по начальной школе — Пит Шоттон и Айвен Воган оставались его друзьями почти всю жизнь. Ему было одиннадцать лет, когда по прихотливой игре случая произошло событие, которому через несколько лет суждено было изменить ход развития популярной музыки. Все три школьных друга, сдав экзамены для одиннадцатилетних², получили право поступить в общеобразовательную среднюю школу. Джона и Пита отдали в местную школу в Куорри-Банк. А родители Айвена поместили его в более престижную школу в центре города, которая называлась Ливерпульский институт. Именно там Айвен познакомился с Полом Маккартни, и именно Айвен привел потом Пола познакомиться с Джоном.

Изменения в системе английского образования в пятидесятые годы открыли новые возможности для одаренных детей. В 1944 году был издан закон, по которому способным ученикам, достигшим к одиннадцати годам определенного уровня знаний, предоставлялась бесплатное среднее образование и оказывалась финансовая помощь для занятий в университете. Дети из общеобразовательных школ понимали, что им предоставляется единственный шанс в жизни и что надо не упустить его, постараться использовать наилучшим образом.

Но если Джон Леннон что-нибудь и понимал, по его школьным успехам этого никак нельзя было заподозрить. Учился он из рук вон плохо. Единственный экзамен, который он сдал, позволил ему поступить в старую консервативную общеобразовательную школу в Куорри-Банк. Он был, несомненно, весьма одаренным ребенком, но так же несомненно было и полное отсутствие у него интереса к учебе. Больше всего ему нравилось быть на уроках клоуном.

Надо, правда, сказать, что его остроумие не всегда оставалось незамеченным и не оцененным. Конечно, учителя кривились от отвращения, когда конфисковывали его непристойные рисунки и стишки, но юмор рукописного журнала, который он сделал из школьной тетради и назвал «Ежедневный вой», был воспринят в учительской комнате более благожелательно, в частности его пародийный прогноз погоды на завтра: «Ожидается теплота и духота с последующей мокротой и скукотой».

И вот в 1956 году, когда Джон учился в четвертом классе (в 4-м «В», если быть точным, то есть в классе для отстающих), произошло событие, которое дало наконец определенное направление всей его бурта-рской энергии. Один из учеников того же 4-го «В» может поставить себе это в заслугу. «Его звали Дон Битти, — рассказывал Джон, — мать всегда покупала ему пластинки и все такое. Однажды он показал мне номер «Нью мюзикл экспресс», нашел там список новых пластинок, ткнул пальцем в какое-то название и сказал, что это потрясающая вещь, а я тогда подумал: чудное название — «Отель, где разбиваются сердца»³. Никогда не слышал. У нас в доме легкую музыку не включали. А потом я как-то раз поймал «Радио Люксембург», и это было то самое. Ничто до этого меня по-настоящему не захватывало, пока я не услышал Элвиса».

Сейчас, когда прошло уже двадцать пять лет, почти с трудом вспоминается, какое возбуждение повсюду среди молодежи вызвал весной и летом 1956 года Элвис Пресли и какое ошеломляющее впечатление производила Америка на подростков того времени. И то, что Джон Леннон последнюю четверть своей жизни прожил в Америке, совсем не удивительно. Англия, особенно рабочая Англия, была в конце сороковых и в пятидесятые годы во многих отношениях культурной колонией Соединенных Штатов. В ходе второй мировой войны на территории Англии скопилось полтора миллиона американских военнослужащих. Америка представлялась страной изобилия, красивой жизни и больших денег.

«Если ты когда-нибудь прославишься, постарайся пережить своих биографов», — сказал однажды Джон Леннон своему другу Эллиоту Минцу. Совет, конечно, невыполнимый. Двадцать лет прошло с тех пор, как перестала существовать группа «Битлз», во семь — как трагически погиб ее легендарный лидер, а поток публикаций не иссякает. Предпринимаются и попытки «развенчать кумира». Последний по времени скандал связан с сенсационной книгой Альберта Голдмана. Корреспонденты журнала «Роллинг стоун» Дэвид Фрик и Джеффри Ресснер, пройдя по стопам автора, убедились, что изготвил он свое сочинение методом избирательного цитирования, умолчаний, тенденциозной интерпретации фактов. Не переводятся на свете геростраты...

За три месяца до смерти Джон Леннон дал последнее в своей жизни интервью. На вопрос корреспондентки «Ньюсуик» Барбары Грустарк, жалеет ли он о «старых добрых временах», Леннон ответил отрицательно: «Вернуться к «Битлз» — все равно что вернуться в школу». Публикуемая сегодня глава из книги английского литератора Р. Коннолли «Джон Леннон. 1940—1980» посвящена как раз детским и отроческим годам Джона. Этим материалом мы надеемся хотя бы отчасти удовлетворить многочисленные просьбы наших читателей рассказать на страницах газеты о Джоне Ленноне.

Дитя войны на земляничных полях

Рэй КОННОЛЛИ

До конца жизни Джон Леннон будет настаивать, что его стихия и основа — рок-н-ролл. Он страстно любил рок. Это была его музыка. Это был его ритм, ритм его времени. То, что ему было именно пятнадцать лет, когда его потряс Элвис, в какой-то мере сгладила игра случая. Будь ему десять или двадцать, он, я уверен, стал бы кем-то другим — может быть, чудаковатым учителем рисования, может быть, одним из местных комиков, а может, просто официантом на пароходе, остроумным, обаятельным, воспаряющим мыслями в сферы более высокие, чем его общественное положение. Но в пятнадцать лет его жизнь определилась. «Рок-н-ролл был для меня дудочкой первого моего Крысолова⁴, — любил говорить он, — услышав ее, я бросил все».

Благодаря Донегану и Элвису Пресли популярная музыка стала демократичной. В начале года Лонни Донеган произвел сенсацию своей «Рок Айленд-лайн», сделанной в стиле «скиффл», музыки фермерских районов Аппалачей, и вот по всей Англии мальчишки-подростки начали сколачивать группы, используя гитары, стиральные доски и контрабасы домашнего изготовления.

Мальчишки, стремившиеся учиться дальше, уже сидели и зубрили, готовясь к выпускным экзаменам в июле следующего года, а Джон Леннон был занят форми-

ди бойз» — узкие брюки, смазанные бриллиновою волосы и кок на голове, зачесанный а-ля Помпадур.

Писательница Морин Клив передает рассказ Джона об одном ужасном моменте тех первых месяцев жизни рок-музыки, когда Джон оказался перед выбором. «Парень из нашей школы ездил в Голландию. Приходит и говорит, что у него дома пластинка и на ней кто-то лучше Элвиса. А Элвис в моей жизни был больше, чем религия. Мы часто ходили к этому парню домой слушать Элвиса еще на скорости 78. Бывало, купим в лавочке штук пять сигарет, пакетики картошки и идем к тому парню. Новая пластинка называлась «Высокая стройная Салли». Когда она кончилась, я не мог слова сказать, настолько был потрясен. Вы знаете, меня разрывало пополам. Я же не мог отречься от Элвиса. Мы смотрели друг на друга, но я даже про себя не в состоянии был ничего сказать против Элвиса. Зачем так случилось, что они оба вошли в мою жизнь? Я ни разу не слышал, как поют негры. Вот оно что!.. Элвис — белый, а Маленький Ричард — черный. Слава тебе, господи! Ведь между ними есть разница. Сидя на уроках, я все время думал об этом, вспоминал наклейки на пластинках. Одна была желтая (Маленький Ричард), другая синяя, и я думал о желтом на фоне синего»⁵.

С такими космическими проблемами в голове ему было не до занятий, поэтому вряд ли стоит удивляться, что последний год в школе закончился полным провалом по всем восьми дисциплинам, включая рисование и английский язык.

А между тем его мнение о себе как о сильной личности все более укреплялось. Он никогда не участвовал в уличных драках и в хулиганских вылазках, но любил модно одеться и казаться жестким, решительным мужчиной. Во многих отношениях его жизнь в этом возрасте была сплошным притворством. Джонатану Котту из «Роллинг стоун» он, например, рассказывал: «Все свое детство я ходил, задрав плечи выше головы, не надевая очков — раз очки, значит, хлюпик, — ходил, полный страха в душе, но с самым что ни на есть свирепым лицом. И попадал в разные неприятные истории именно за свой вид: я хотел быть таким суровым и сильным Джеймсом Дином».

Всю первую половину 1957 года «Парни из Куорри» играли у себя по домам, на уличных праздниках и на свадьбах, играли обычно бесплатно или самое большее за несколько шиллингов. 6 июля 1957 года, вскоре после экзаменов, вернее, после провала на экзаменах, Джон прибыл со своими «Парнями» в Вултон, чтобы играть на ежегодном празднике под открытым небом, который устраивали прихожане местной церкви. Верный друг Айвен Воган выбрал этот день и это событие, чтобы познакомить Джона со своим младшим одноклассником из Ливерпульского института, четырнадцатилетним мальчиком, тоже страстным поклонником Элвиса и Бадди Холли. Так Джон, от которого сильно пахло пивом, встретился с Полом Маккартни, прикатившим на велосипеде из соседнего Алерттона. «Парни из Куорри» исполнили несколько вариаций на тему песен «Мэгги Мей», «Давай, пошли со мной» группы «Дель Викингз», «Би-Боп-а-Лула» Джина Винсента и тому подобно. Всех слов этих песен Джон не знал, поэтому ему пришлось импровизировать. Пол сказал, что получилось здорово.

Потом в церковном зале Пол показал им, на что способен, в частности, сыграл свою вариацию знаменитой песни Эдди Кочрана «Рок на двадцати пролетах». Это не могло не произвести впечатление на Джона, потому что техника у Пола была лучше. Он все время смотрел через плечо Пола, запоминая аккорды. Его также поразило, что Пол начал сочинять свои собственные песни и к тому же имел хороший голос. Однако он не сразу решил принять его в свою группу. Конечно, Пол был несомненно хорош, намного лучше любого из одноклассников Джона, составивших его теперешний оркестр. Но возникли две проблемы. Он всегда и во всем хотел быть лидером, а где это видно, чтобы в группе было два ведущих солиста? В то же время коммерческий ум Джона подсказывал, что Пол, чем-то «похожий на Элвиса», обладает большим талантом. Через неделю Пол, встретив Пита Шоттона, получил послание. Хочет ли он войти в группу? Хотел.

Много потом писалось о том, как дружба и партнерство Леннона и Маккартни с годами портились и превратились наконец в соперничество. Но все дело в том, что, будучи друзьями, они всегда были также и соперниками. «Я многому научил-

ся у Пола, — говорил Джон. — Он лучше меня умел играть и показал мне много новых аккордов. Я играл на гитаре, как на банджо, и мне пришлось заново переучиваться. Я и писать начал после того, как Пол сыграл свою собственную песню». Ничто так не подстегивает честолюбие, как конкуренция.

Несмотря на разницу в возрасте (когда тебе четырнадцать лет, шестнадцатилетний кажется взрослым), Джон и Пол стали близкими друзьями и встречались в доме Пола на Фортлин-роуд. Мать Пола почти год назад умерла от рака, и так как до прихода отца с работы братья Маккартни были по большей части предоставлены сами себе, общая комната в их доме превратилась в репетиционный зал для нового творческого союза.

Трудно представить себе людей более противоположного темперамента, чем Джон Леннон и Пол Маккартни. Пол всегда был и остается трудолюбивым, обязательным маленьким дипломатом — идеальный «представитель фирмы», скрывающий за очаровательной улыбкой свое сильное «я». Джон был безрассуден, подвержен диким страстям и навязчивым идеям, ленив в учебе, остроумен, резок, прямолинеен. В жилах Пола текла сильная струя консерватизма, а Джон, несмотря на все старания Мими натаскать его в правилах светского поведения, был абсолютно чужд устоям общества. И вот этих двух ни в чем не схожих мальчиков объединила общая любовь — музыка. Группа «Парни из Куорри» постепенно видоизменялась: один за другим ее покинули друзья детства Джона — Пит и Айвен, а их место заняли более честолюбивые музыканты. А в 1958 году Пол привел еще одного мальчика из Ливерпульского института — Джорджа Харрисона, которому было еще меньше лет, чем Полу.

В глазах Джона Джордж был почти ребенком — на целых три года моложе и «вечно таскался за ним хвостом». Джон и в самом деле часто испытывал неловкость от того, что их видели вместе с Джорджем — настолько велика казалась разница в возрасте. Годы спустя Брайан Эпстайн скажет, что Джордж лучше остальных битлов знал, что такое музыка. Это был от природы славный малый, гораздо приятнее в общении, чем Пол, который мог быть задирой и хвастуном, приятнее Джона, который, хоть и шутил постоянно, часто бывал груб и жесток. Может быть, действительно для Джона этот «вечно болтающийся позади» мальчик был обузой, но это был добрый и безгранично преданный мальчик. В отличие от Пола, который всегда имел о себе довольно высокое мнение, Джордж боготворил Джона.

К тому времени Джон с помощью всепонимающего и всепрощающего директора своей школы в Куорри-Банк поступил в Ливерпульский художественный колледж. Но если он и был благодарен судьбе — а никаких доказательств тому никогда не было представлено, — он эту благодарность не подкрепил дальнейшим усердным трудом. Он не мог взять в толк, почему никто не понимает, что перед ними — великий художник. Вскоре он застрял в классе черчения шрифтов — это занятие было для него равносильным службе в страховой конторе. Но как бы там ни было, он наконец смог сбросить с себя школьный пиджак и галстук и одеться в стиле, более подходящем тому образу сильной личности, какой он себя считал.

Перевела с английского С. ЛИТВИНОВА

¹ В честь Уинстона Черчилля — премьер-министра Англии в годы войны. (Прим. пер.)

² Eleven-plus examination — так называлось тестирование детей на проявление интеллектуальных способностей.

³ «Heartbreak Hotel» — обыграно название пьесы Бернарда Шоу «Дом, где разбиваются сердца».

⁴ Крысолов из Гаммельна — персонаж средневековой немецкой легенды, который, играя на дудочке, вводил из города всех крыс. Однажды, когда ему не заплатили обещанного вознаграждения, он увел всех детей. Этот сюжет использовал английский поэт Роберт Браунинг в своей поэме «Пестрый флейтист из Гаммельна», а в наши дни — А. и Б. Стругацкие в романе «Гадкие лебеди».

⁵ American Forces Network — радиостанция американских войск в Европе.

⁶ Здесь как часто у Леннона, двойной смысл: against — «на фоне», может означать «против».